

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (14)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых — кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Бугров Д.Г.</i> Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана	7
<i>Казаков Е.П., Салугина Н.П.</i> Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры)	35
<i>Колода В.В.</i> Контакты славянского мира и хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект	54
<i>Флёров В.С., Флёрова В.Е.</i> Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости	92
<i>Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г.</i> О фортификации городищ западного Поволжья	116
<i>Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р.</i> Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования	127
<i>Жолобов А.И., Кирыгин К.В., Газимзянов И.Р.</i> Медико-криминалистические исследования повреждений на черепах из раскопок Болгарского городища	137
<i>Кубанкин Д.А.</i> Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение)	150
<i>Бочаров С.Г.</i> Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа	172
<i>Бочаров С.Г., Масловский А.Н.</i> Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в.	189

Дискуссии

<i>Иванов В.А.</i> Угры Предуралья: продолжение темы	201
<i>Измайлов И.Л.</i> Вопрос об археологическом определении этноса: продолжение темы	220
<i>Напольских В.В.</i> К методологии палеоисторических реконструкций	235
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П.</i> К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды	266

Заметки

<i>Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б.</i> Бронзовая секира из Златоустовского музея.....	274
<i>Адамов А.А.</i> Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году	291
<i>Беляев А.А., Нуретдинова А.Р.</i> Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища	301
<i>Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А.</i> Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции	311

Хроника

<i>Валиулина С.И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш.</i> Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения)	324
<i>Бугров Д.Г., Галимова М.Ш.</i> 50-летие А.А. Чижевского	333
<i>Гарустович Г.Н., Горбунов В.С., Злыгостев В.А., Иванов В.А., Морозов Ю.А., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф., Пшеничнюк А.Х.</i> Памяти Н.А. Мажитова (1933-2015).....	338
<i>Кочкина А.Ф.</i> Памяти Е.А. Беговатова (1937–2015)	341
Список сокращений	346
Правила для авторов	348
Авторский указатель	354

CONTENTS

Articles

<i>Bugrov D.G.</i> Complex of finds from a destroyed early medieval burial in the north of Tatarstan	7
<i>Kazakov E.P., Salugina N.P.</i> Polyanskoe III settlement (on the issue of exploration of the lands across the Kama River by the imenkovo population)	35
<i>Koloda V.V.</i> Relationships between the Slavic world and the Khazar Kaganate on the Seversky Donets river: an ethnocultural aspect	54
<i>Flyorov V.S., Flyorova V.E.</i> Signs on bricks of the Semikarakorsk fortress	92
<i>Gubaidullin A.M., Mukhamadiev A.G.</i> On fortification of ancient settlements of the western Volga region	116
<i>Badeev D.Yu., Valiev R.R.</i> Plan of the Golden Horde Bolgar town: history and perspectives of research	127
<i>Zholobov A.I., Kiryagin K.V., Gazimzyanov I.R.</i> Medical-forensic research of injuries on the skulls discovered during archaeological excavations on Bolgar fortified settlement	137
<i>Kubankin D.A.</i> Examining archaeological objects on the territory of the Uvek fortified settlement in 2014 (preliminary report)	150
<i>Bocharov S.G.</i> Travelers' notes (14 th –15 th centuries) about the town of Caffa	172
<i>Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.</i> The most widespread glazed imports of Crimean production and some issues relating to East European trade in the 14th century	189

Discussions

<i>Ivanov V.A.</i> Ugric peoples in the Cis-Ural region: continued	201
<i>Izmaylov I.L.</i> On archaeological definition of ethnic group: continued	220
<i>Napolskikh V.V.</i> On the methodology of palaeohistorical reconstructions	235
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P.</i> On the role of the nomads in development of material culture of the Volga Bulgaria and the bulgarian ulus of the Golden Horde	266

Notes

<i>Kuzminykh S.V., Vinogradov N.B.</i> Bronze poleaxe from Zlatoust museum	274
<i>Adamov A.A.</i> Archaeological research at Kuchumovo hillfort (Isker) in 2014	291

<i>Nuretdinova A.R., Belyaev A.V.</i> Sphero-conical vessels from dig CLXV at Bolgar fortified settlement	301
<i>Kochkina A.F., Levykina T.A.</i> Funerary kaliga from Malaya Ryazan burial ground of the Golden Horde time on the Samarskaya Luka: problems of restoration and attribution	311

Chronicle

<i>Valiulina S.I., Kochkina A.F., Khuzin F.Sh.</i> E.A. Khalikova's Searches and Discoveries in the Volga-Kama Archaeology (on the occasion of her 85th birthday).....	234
<i>Bugrov D.G., Galimova M.Sh.</i> A.A. Chizhevsky's 50th Anniversary	333
<i>Garustovich G.N., Gorbunov V.S., Zlygostev V.A., Ivanov V.A., Morozov Iu.A., Obydenova G.T., Obydenov M.F., Pshenichniuk A.Kh.</i> Ad memoriam N.A. Mazhitov (1933–2015).....	338
<i>Kochkina A.F.</i> Ad memoriam E.A. Begovatov (1937–2015)	341
List of abbreviations	346
Submissions	348
Index of the authors	354

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

С 1 декабря 2015 года журнал «Поволжская археология» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук (см. Перечень, поз. № 1016). Это прекрасный повод, чтобы донести до наших авторов и читателей журнала искренние поздравления и благодарности за сотрудничество с нами.

За относительно небольшой период существования журнала, с 2012 года, на страницах «Поволжской археологии» опубликовано около 300 научных статей, авторами которых являются известные ученые как из региональных (преимущественно поволжско-уральских), так и центральных (Москва, Санкт-Петербург) и зарубежных (Германия, Болгария, Украина, Молдавия, Казахстан, Узбекистан) научных центров. Надеемся, что в будущем авторский контингент журнала еще более расширится, в первую очередь, за счет будущих кандидатов и докторов наук.

Новый статус журнала налагает на нас еще большую ответственность за качество публикаций, основным требованием к которым являются актуальность и новизна материалов. Наш журнал публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, нумизматика, эпиграфика и др.), посвященные изучению различных аспектов истории древнего и средневекового населения поволжско-уральского региона и взаимосвязей его с народами соседних регионов.

Прошу уважаемых авторов обратить внимание на некоторые изменения, внесенные в Правила оформления статей.

Желаю всем плодотворного сотрудничества во благо нашей науки!

УДК 902

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНОСА:
ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ**

© 2015 г. И.Л. Измайлов

В статье предпринята попытка проанализировать суть дискуссии, которая несколько лет ведется на страницах научных изданий и на многих научных конференциях Волго-Уральского региона. Темой дискуссии является проблема угорского присутствия в Прикамье и Предуралье в эпоху раннего средневековья. В ходе дискуссии был поставлен вопрос о корректности результатов статистического анализа археологического материала, проведенного В.А. Ивановым. Опираясь скорректированными данными статистического анализа погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э., синхронных им культур лесного Зауралья и Западной Сибири и могильников венгров периода Арпада на Дунае, заново проведенного с учетом высказанной критики, В.А. Иванов делает все тот же вывод, что все эти культуры представляют собой один этнокультурный ареал, типологически связанный с археологической культурой древних венгров, и предлагает временно отказаться от этнических реконструкций и объяснить этот феномен.

Представляется, что в данном случае мы сталкиваемся с более важными и принципиальными вопросами – о методике определения этноса на основе данных археологии, о соотношении археологии и ее специфических методов с другими науками, а также о пределах компетенции археологии как науки. В этой связи отмечается, что никакие статистические методы не в состоянии возвести данные археологии к этнолингвистическим реконструкциям. Необходимо разделить две разные проблемы – статистическое сходство признаков археологических культур и их лингвистическую характеристику. Смешивать эти два разных подхода методологически некорректно.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, раннее средневековье, угры, методы этнокультурной реконструкции, археологические характеристики этноса, этнокультурный ареал, типологическое сходство.

Статья В.А. Иванова является не просто дискуссионной, но и остро заточенной для разжигания и продолжения спора. Автор, ради ее пролонгации пошел даже на то, что признал, что некоторые его статистические выкладки (Белавин, Иванов, Крыладова, 2009, с. 60) не соответствуют реальному положению дел, на что ему указали оппоненты (Голдина, Напольских, 2013, с. 90 и сл.). Нужна большая смелость, чтобы пойти на признание своих ошибок и это заслуживает ува-

жения нашего научного сообщества. Но не признание погрешности в своих вычислениях, ни исправление их, к сожалению, не решает главной проблемы. Она не приближает нас к решению этнолингвистических реконструкций для эпохи I тыс. н.э. в Волго-Уральском регионе.

Совершенно прав В.А. Иванов в том, что в определенном смысле дискуссия вышла за рамки привычной научной корректности и ее участники обменялись язвительными и колкими

замечаниями, не остановившись перед весьма резкими комментариями. Согласен и солидарен с уважаемым археологом, что некоторые замечания носят весьма провокативный и личностный характер, что нетерпимо и не должно приветствоваться. Одно дело, когда спор идет с некоторой долей юмора и самоиронии, так сказать *cum grano salis*, а другое – обвинения коллег в «прямой фальсификации фактов» (Голдина, 2013, с. 89). Ясно, что подобные выпады требуют ответа. И негодование В.А. Иванова в ответ на прямое обвинение в профессиональной непригодности понятно. Оно явно несправедливо и вызывает бурную реакцию и желание ответить в том же духе. Здесь имеет смысл остановиться и проверить свои и чужие аргументы.

Если проанализировать суть дискуссии, которая несколько лет ведется на страницах научных изданий и на многих научных конференциях Волго-Уральского региона (Мельничук, Чагин, 2010; Пастушенко, 2009; 2011; Белавин, Иванов, 2011; Коренюк, Мельничук, 2011; Голдина, Напольских, 2013; Голдина, 2013; Иванов, 2014; Коренюк, Мельничук, Пересков, 2014). Участниками дискуссии ставится или отвергается проблема угорского присутствия в Прикамье и Предуралье в эпоху раннего средневековья. Не стану рассматривать суть споров и аргументы сторон, поскольку, кажется, что в большинстве своем это тупиковый спор. Часто стороны используют одни и те же археологические факты, но с разной «этнической» нагрузкой.

В ходе дискуссии был заострен вопрос о корректности результатов статистического анализа археологического материала, проведенного

В.А. Ивановым. Сомнения в репрезентативности выводов вызвали его эмоциональный ответ. Но признавая, что некоторые замечания действительно оказались справедливыми, В.А. Иванов настаивает на точности самого метода и статистических выкладок. Опираясь откорректированными данными о результатах статистического анализа погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э. и синхронных им культур лесного Зауралья и Западной Сибири, могильников древних венгров (периода Арпада) на Дунае, В.А. Иванов делает все тот же вывод о том, что ломоватовская, неволинская, полонская культуры в Прикамье, кушнарниковская и караякуповская культуры в лесостепном Предуралье, культуры лесного Зауралья и Западной Сибири, в сущности, представляют собой один этнокультурный ареал, типологически связанный с археологической культурой древних венгров. Кажется, что спор идет о том, что сравнение этих культур имеет по ряду параметров значительную близость.

Не собираюсь оспаривать сходство этих культур по статистическим данным, представленным в новых таблицах, но не могу не заметить, что доказательность их в авторской системе несколько не увеличилась. Проблема не в том, насколько верны статистические выкладки (в археологии они всегда будут весьма относительными и заведомо неполными) и не в самих цифрах, а в принципах отбора и использования этих цифр. Археологи часто испытывают почти религиозный пietet перед математикой и естественными науками. Большинство из них являются законченными гумани-

тариями, которые с детства ее ненавидят, а часть просто не понимает всех этих сложных вычислений, но те и другие склонны безотчетно доверять любому, кто умеет обращаться с цифрами. Но делать этого не следует ни в коем случае.

И вот почему. Известно, что статистика – это род мельницы: что туда вложил, то и получил на выходе. Следовательно, проблема не в цифрах и то, как с ними ловко манипулируют, а в принципах отбора и иерархии признаков. Ведь сходство «по совокупности» признаков может оказаться весьма относительным. Оно доказательно и показательно, когда мы оперируем цифрами и сравниваем их друг с другом. Но эти абстракции перестают быть такими, когда мы начинаем сравнивать не их, а археологические реальности, которые за ними стоят. Можно любую реальность (напр., новый выставочный зал Лувра) расчленить на мультимножество различных измерений и часть из них сравнить с другими измерениями другой реальности (напр., пирамиду Хуфу). Вполне возможно, что некоторые измерения совпадут и с цифрами все будет достаточно выразительно. Но значит ли, что эти объекты идентичны? Ни в коем случае. Поскольку в этом случае сходная форма не совпадает с содержанием. Иными словами, эти явления просто нельзя сравнивать, поскольку качественные их параметры категорически не конгруэнтны. Этот несколько ненаучный пример призван наглядно продемонстрировать мысль, что нельзя просто так полагаться на цифры без анализа содержательной части таблиц.

Например, никак нельзя поверить в сходство погребального обряда, когда такой качественный показатель, как

ориентировка погребенных на запад, север или восток, не совпадает даже при количественной близости некоторых других параметров (труположение на спине с руками вдоль костяка). В этом случае количество других совпадающих измерений никак не перевешивает «веса» одного качественного признака. Фактически этот один признак гораздо значимее, чем многие другие, поскольку ориентация в сакральном пространстве и было тем самым «этноопределяющим» признаком (с соответствующими времени, месту и народу оговорками), который детерминировал многие другие явления мифологии и культуры, а также обряды и обычаи. Во всяком случае, это системное явление культуры было устойчивым и традиционным, тогда как элементы одежды, орнаментация посуды и украшения могли с легкостью необыкновенной меняться с течением времени, трансформироваться и теряться.

Дело в том, что «вес» каждого признака отнюдь не одинаков в материальной культуре и тем более в отношении к этничности. Следует сделать оговорку, что очень часто, проводя различные сравнения элементов погребального обряда, археологи не просто наделяют их «этическим» содержанием, но и практически рассматривают их лишь в этнокультурном аспекте. Тогда как это, отнюдь, не самый очевидный факт. Судя по многочисленным данным этнографии на сами погребально-поминальные обряды и, соответственно, на их детали, особенно, такие как характер и набор погребальных вещей в гораздо большем объеме влияют такие факторы, как пол, возраст, социальный статус, место в общинной иерархии, зажиточ-

ность, авторитет и т.д. Все вместе или по отдельности. Иными словами, все явления культуры в той или иной степени полноты характеризуют данную общину и имеют этническую составляющую, но не все напрямую связаны с погребальным обрядом. Здесь очень велико искажающее влияние социальных представлений и их реаллий. Для раннего средневековья, когда происходил процесс модернизации общества Волго-Уральского региона под влиянием южных цивилизаций и народов «второго» мира, подобные новшества вносили заметные коррективы в традиционную погребально-поминальную практику. Особенно это касается таких важных элементов погребального обряда как наличие и распределение в погребальном инвентаре предметов вооружения, конского снаряжения и амуниции, а также поясов с металлической гарнитурой. Оружие и конская упряжь всегда и везде служили явным и прямым маркером сложных социальных связей и отношений. Но это, отнюдь, не явления этнического порядка и связаны с ним никак не прямо, а скорее косвенно. В качестве примера можно привести наличие поясных наборов в женских погребениях у общин лесной зоны Волго-Уральского региона. Типично мужской элемент костюма в степной зоне и в государствах цивилизованной ойкумены у ряда народов лесной зоны был трансформирован в женский, повышающий (причем, возможно, посмертно) статус некоторых женщин. Они или сами имели серьезный авторитет и пользовались влиянием в общине, или таковыми были их мужья или дети. В любом случае, наличие пояса в женских погребениях лесной зоны Поволжья и Прикамья –

это не особый этнический признак, а социальный маркер, получивший своеобразное преломление в некотором культурном ареале.

Еще более сложным представляется использование для этнических сходжений предметов вооружения, всаднической и конской амуниции. Совершенно напрасно представляется сравнивать наличие предметов вооружения в погребениях произвольно выбранных культур. Доказано, что на появление и распределение этих предметов в погребениях более важную роль играет не «этничность», а социальный, возрастной и имущественный статус, наличие или отсутствие наследников (см.: Измайлов, 2012, с. 66–85). Так, совершенно неоправданно в анализе сходств фигурирует сабля – специфическое оружие профессионального воина и свидетельство высокого статуса семьи в военной или властной иерархии общины. Разный процент наличия сабель в погребениях различных культур никак не указывает ни на их близость, ни на их несходство. «Цену» признаков, использованных в таблице, наглядно демонстрирует и другой пример. Отсутствие костяных накладок на сложносоставной лук в погребениях ряда культур может свидетельствовать как раз об их отличии от венгров и вообще зоны воздействия степных культур. Ведь считается, что это важный маркирующий этнокультурный и социальный признак (см.: Савин, Семенов, 1989, с. 104–109; Измайлов, 2011, с. 56–72).

В любом случае распределение предметов вооружения может указывать на близость или отделенность не этнокультурных общностей, а сходство внутриобщинного расслоения и на-

личия слоя дружинников. Хотя и для этого вывода требуется более детальный анализ и учет того, что значительная часть предметного мира могла не дойти до нас, поскольку была заменена вотивными предметами. Предметы вооружения могли быть использованы в погребально-поминальной обрядности, но в погребение могли и не попасть. Так, у венгров времен Арпадов копья служили своеобразными надмогильными памятниками и редко попадали в погребение, но зафиксированы. Не исключено, что такое же использование их было характерно и для других народов. Но наличие в погребении большого количества копий должно настораживать, поскольку это могли быть не кавалерийские копья, а промысловые. А это уже качественно иное отношение к предмету и его месту в обряде, а также иное положение человека в общинной иерархии статусов.

В категории «сосуд» В.А. Иванов указывает только его положение относительно костяка, никак не комментируя различие керамических форм и их орнаментации. И это справедливо, ибо любое другое качественное сравнение этой категории показало бы разительное различие венгерской от всех других культур. В этом видится некая лукавость использованных цифр и произвольно выбранных категорий. Например, никто не доказал, что именно положение сосуда в погребении имеет качество этничности, тогда как форма, характер начинки, тесто и орнаментация, – все эти признаки, традиционно считающиеся показателями этнокультурных традиций – оказываются неважными для данной выборки. Иными словами, таблица, несмотря на свою кажущуюся статистическую достоверность,

никак не решает вопросов соотношения качественных и количественных признаков. Повторюсь, что не ставлю своей задачей указать уважаемому В.А. Иванову на его ошибки, а просто хочу понять логику и смысл выбора тех или иных параметров. Даже простой анализ ее показывает, что магия цифр, «жар холодных чисел», может ввести в соблазн поверить в то, во что верить нельзя. Статистика должна быть не решением, а только инструментом выяснения каких-то взаимосвязей. Методом, а не панацеей для решения всех проблем.

В данном случае В.А. Иванов неоправданно высокую ставку делает именно на сходство цифр, смешивая количественные и качественные, значимые и малозначимые для погребального обряда признаки. При этом нигде не доказана значимость и важность именно этих признаков, и вес, и значимость для угорской культуры. Но все это не мешает В.А. Иванову в заключении сделать парадоксальный вывод: «В данном случае мы имеем дело с ЭКА культур с т.н. резной и штампо-гребенчатой керамикой, занимавшим территорию лесного и лесостепного Урала от левых притоков Оби до Камы». Вся проблема только в том, что этот ареал «резной и штампо-гребенчатой керамики» никак не доказан статистически. Скажем больше: даже относительно реальных венгров, живших в IX–XI вв. в Карпато-Дунайской котловине, у нас нет ни малейших свидетельств, что они использовали посуду с подобной орнаментацией. Кроме того, с истоками, развитием и соотношением этой традиции керамического производства с другими подобными не все ясно. Пока не проведено детального анализа и сравне-

ния сходства и различия особенностей глиняной посуды не только раннесредневековых, но и более ранних культур Зауралья и Приуралья, декларировать единство памятников с этой посудой представляется некорректным. Не говоря уже о том, что угрозычность носителей этой керамической традиции является пока только догадкой, которая не подкреплена ни малейшими доказательствами.

В этой связи невозможно согласиться, что бесспорно доказано «типологическое сходство археологических культур Урала и Прикамья второй половины – конца I тыс. н.э.», которое требует объяснений от лингвистов и этнологов. Наоборот, это как раз требуется доказать, а потом объяснить его. Причем «лингвистическое» объяснение, полагаю, будет самым последним и наименее вероятным. Как показывают материалы этнографии и этноархеологии, подобное сходство может в первую очередь иметь черты историко-этнографической области и являться результатом ареальных контактов – заимствования и взаимного копирования. И различия в языке здесь не играют особой роли. Например, индейцы пуэбло, которые говорят на различных языках шошнском, хопи, зуньи, тано, которые лингвисты относят к ацтекско-таноанской макросемье, и изолированном языке или группе языков керес, используют единообразную и одинаковую по формам и орнаментации посуду (Уайт, 2004. с. 464–950; 2004а, с. 641–1047). В этом же ареале индейцы навахо (дене, дине), которые вели оседлый образ жизни и говорили на совершенно другом – атабаскском языке, в быту использовали ту же посуду. То есть, пример, когда в живой куль-

туре использовалась близкая по форме и орнаментации посуда разными в этнолингвистическом отношении общинами, есть. И он не единичен. Поэтому заявить, а потом еще и доказать, что какое-то древнее население оставило сходную культуру и использовало типологически близкие вещи в быту и на войне, это отнюдь не значит доказать их языковую и тем более этническую близость. Это как раз совершенно не обязательно. Единая посуда могла использоваться разными в языковом отношении общинами, а различная – носителями одного языка. Тот же пример венгров показывает, что они с легкостью перешли на местную придунайскую посуду. А это только доказывает, что посуда сама по себе не имеет никакого этнического содержания и все попытки отечественных археологов вдохнуть в нее этническое содержание подобны желанию средневековых алхимиков оживить выращенного в пробирке гомункула.

Это заставляет полагать, что некоторые критики концепции о «большом угорском мире» в Волго-Уральском регионе не так уж и не правы. Во всяком случае, при всем уважении к математике и статистике, признать их произвольный выбор серьезным доказательством невозможно. Думается, что любое среднее значение можно подогнать под другое среднее значение. Как тут не вспомнить знаменитые слова английского премьера Дизраэли о статистике. Вполне возможно, что некую иллюстративность подобные статистические выкладки исследованию придают, но без учета генерирующих, качественных признаков, которые взяты не произвольно, а выявлены на основании анализа живых культур

или, по крайней мере, какой-то модели этой культуры, эти цифры не могут быть приняты в качестве *ultimo ratio*. И в любом случае эти произвольно выбранные признаки погребального обряда не могут служить доказательством принадлежности этих культур к вариантам одной культуры и свидетельствовать о существовании единого этнокультурного ареала.

Но этот вывод основывается не только и не столько на анализе таблицы статистических выкладок как таковой. Можно было бы даже признать, что вся статистика выполнена безукоризненно, и тем не менее сделать подобный вывод. Ведь речь идет, по большому счету, не о цифрах и их комбинациях, не о процентах и статистике, хотя и представляется таковым. В основе своей это старый и, очевидно, вечный для отечественной науки спор о главном – что есть археология. Одни считают, что археология – это наука источниковедческая со своими специфическими методами и процедурами, другие – что это наука историческая, способная своими методами реконструировать жизнь прошлых обществ во всей полноте. Дискуссия между этими направлениями разгорелась еще в середине 1980-х годов. (Клейн, 1986, с. 209–219; Генинг, 1989, с. 215–206; Захарук, 1989, с. 207–214) и до сих пор не исчерпана, поскольку подпитывается горячим желанием археологов продолжать вторгаться со своими методами и схемами в соседнюю область науки.

Делают они это с самыми благими желаниями – дать механизм решения проблем этногенеза народам, о которых молчат или скудно информируют другие источники. Но результат этого дилетантского наскока на этноло-

гию получается самым печальным. Огромный труд и усилия затрачиваются на заведомо провальные цели – доказать, что материальная культура прямо и непосредственно определяет этническое сознание или хотя бы язык ее носителей.

Теоретик археологии Л.С. Клейн совершенно справедливо назвал это направление в советской археологии «археологической этногенетикой» (Клейн, 1993, с. 43–44). Оно имеет несколько «источников и составных частей». Это и советский псевдо-марксизм, и методика этнических маркеров, восходящая к Г. Коссине, и теория стадиальности Н.Я. Марра. Немало привлекательности в ней для тех, кто с легкостью необычайной может применять для решения сложных проблем этногенеза нехитрые схемы и шаблоны. Основой ее является «возгонка» от изучения отдельных предметов и объектов к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории, в том числе и этнической. Этот вульгарно-материалистический теоретический постулат позволял марксистским археологам считать, что, изучая орудия труда и предметы быта, они могут, используя несколько простых схем соответствия, получить представление о древнем обществе, его социальном строе и духовной культуре.

По их мысли теоретиков этого направления, картографирование элементов древних культур, которые должны были, проходя сквозь исторические катаклизмы, держаться вместе, не разделяясь на части, указывать исследователям ядро этнических культур прошлого. Им представлялось весьма логичным, что племенное родство и единство языка облегчали

культурный контакт и конвергенцию, а их отсутствие – затрудняло, следовательно, этническая граница большей частью должна была служить препятствием для распространения типов вещей, а их совпадение – показателем этнической (языковой) общности (см.: Клейн, 2013, с. 128–240). На практике это позволяло исследователям при совпадении границ распределения типов вещей, объектов и других культурных явлений рассматривать их совокупность в качестве проявления этнической (что признавалось тождественной языковой) общности. Признание того факта, что культурная группа и есть народ, а культурные области – территории занимаемые определенным народом (подразумевая его генетическое родство, языковое единство и высокую степень идентичности культуры), позволяло считать эти явления тождественными, а следовательно прямо сопоставлять археологические культуры с определенными этносами. Тогда как этнографические материалы дают совершенно другую картину мира. Сплошь и рядом различные элементы материальной культуры имеют более широкий ареал, чем какая-то община или родственные группы общин, а близкие в языковом отношении народы имеют совершенно различный быт и культуру. (Клейн, 2013, с. 200–206). В качестве примера достаточно привести венгров и хантов, оленных и береговых чукчей и т.д.

Основой данного метода стало картографирование сходных явлений культуры (чаще всего керамической посуды или женских украшений) и конструирование на этой базе культурно-этнических общностей. Декларирование же комплексности при

этом часто применялось как механическое соединение различных источников для компенсации пробелов в сведениях археологии. Подобный подход давал теоретические основания к созданию концепции *безусловного совпадения* этноса с археологической культурой и выработке «ретроспективного метода» – стремления проследить этническую преемственность по генетическим связям в материальной культуре (Клейн, 2013, с. 200–205). Эта логическая цепочка неизбежно вела к отождествлению археологической культуры с этносом и позволяла исследователям с помощью синхронного и диахронного картографирования явлений археологических культур находить генетические связи и, как и казалось, прослеживать происхождение различных народов с самой глубокой древности. Отсюда в значительной мере увлечение археогенетиков формальными сторонами культуры, особенно ее материальной частью и картографированием различных ее элементов, а также выработкой набора схематизированных, часто подкрепленных статистикой процедур подобного «восхождения». При таком подходе, разумеется, суть этнокультурных процессов в древности подменялась взаимодействием различных культурно-археологических комплексов. Но выяснилась и обратная сторона этой медали. Поскольку эту нехитрую процедуру освоили многие, то скоро «археологическая этногенетика» погрязла в бесконечных спорах об «этносе» той или иной культуры.

Строго говоря, отождествление этноса и археологической культуры базируется на двух постулатах, которые сами требуют обоснования.

Во-первых, еще требуется доказать, что конструируемые исследователем археологические культуры представляют собой гомогенные целостности (и явления одного и того же таксономического порядка), четко различающиеся между собой. Поскольку на практике для вычленения археологических культур ученые нередко опираются не на все их элементы, а лишь на отдельные, так называемые *руководящие (или этнокультурные) типы*, которые якобы и несут этническую нагрузку. Между тем, неизвестны не только их вес и значение в живой культуре древнего народа, но и степень их *этничности*, поскольку они встречаются и в других комплексах, а ареалы их распространения довольно часто прорезают границы соседних археологических культур. Во-вторых, в доказательстве нуждается и другой постулат, согласно которому археологическая культура является отражением только определенной социальной реальности, иначе говоря, этнической группы, а не, скажем, более общих этнографических реалий – хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей. Как свидетельствуют данные, накопленные мировой этноархеологией, этот постулат весьма отдаленно напоминает встречающуюся сплошь и рядом этнокультурную картину. Все это дискредитирует схематизированные процедуры соотнесения археологической культуры и этноса.

Весьма сложной представляется и сама структура древнего и средневекового населения. Ранее на основании советских учебников у археологов были некие ясные суждения о племени и народности. Сейчас, когда открылся доступ к неизмеримо большему коли-

честву литературы, эти постулаты, как пошитые на суровую нитку сталинские шинели, стали трещать по всем швам. Но если часть историков вышла из них, то другие до сих пор в ней пребывают. Это образует принципиальную несопоставимость аргументов и выводов. Например, остается нераскрытым сложный и неоднозначный вопрос о том, чем являлись археологические культуры – племенем, союзом племен, языковым союзом и т.д. В этой связи очень часто археологи предпочитают вообще отказаться от этого термина, оперируя эвфемизмами типа «этнокультурный ареал» или «культурно-историческая общность или область», как будто ритуальное избегание понятия «археологическая культура» сможет решить какие-то гносеологические задачи. Одновременно это показывает, что само базовое понятие науки археологии – «археологическая культура», неоправданно насыщенное «этническим» содержанием, перестало быть универсальным. Большинство археологов, не в силах противостоять бессмысленно «этнизации» науки, стремятся использовать нейтральные в этом отношении термины. Это показывает, что чуждая науке мода отторгается и отвергается научным сообществом. Пожалуй, это лучшее свидетельство кризиса нашей науки, ее методической базы и понятийного аппарата.

Надо сказать, что в этой дискуссии уже прозвучал отрезвляющий голос (Белых, 2013, с. 100–105), призывающий в корне пересмотреть основания для данной дискуссии. К сожалению, здравые и вполне разумные доводы не были услышаны. И это не удивительно. Ответить на недоуменный вопрос автора о том, на чем основана «обе-

скураживающая убежденность» некоторой части археологов в том, что «такая утилитарная (а посему легко заимствуемая) вещь, как глиняная посуда, может служить надежным «этномаркером» (Белых, 2013, с.102), пока никто не решился дать такой же прямой и однозначный ответ. Неудивительно, что мнение стало поистине гласом вопиющего в пустыне. Поскольку практически все диспутанты в той или иной степени используют одну и ту же археоэтногенетическую методику с некими этномаркерами в виде керамических горшков, то они просто предпочли не заметить неудобных вопросов. Очевидно, чтобы не давать саморазоблачительных ответов, которые не позволят и далее методами археологии вторгаться в область других наук. Действительно, гораздо проще и привычнее резвиться в привычном Зазеркалье, заставляя посуду «говорить» на разных языках, нежели задаться сложными вопросами о структуре населения Волго-Уральского региона в I тыс. н.э., о лингвистической ситуации, соотношении миграции с процессами социогенеза и культурных контактов. Гораздо проще объявить какой-то тип орнамента керамики угорским и после этого подгонять под этот вывод некие статистические данные.

Представляется, что без серьезного пересмотра самой методики наших исследований, научную общественность будут сотрясать подобные дискуссии, в которых нет, да и не может быть не только решения, но и позитивного движения к научной истине. Все они являются топтанием на месте, бессмысленным словоблудием, сродни тем схоластическим средневековым спорам, относительно того, сколь-

ко ангелов или бесов уместиться на острие иглы. Никакая статистика не в состоянии позволить археологии расширить предмет ее ведения, как источниковедческой науки. Этими вопросами ведают другие науки со своими процедурами и методами. Археология даже вооруженная математическим анализом и статистической вероятностью никогда не преодолет качественного разрыва в знаниях о прошлых обществах и представлениями, сформированными на основании изучения «живых» культур. По меньшей мере, странными выглядят попытки раз за разом преодолеть барьер между науками, «смешать два разных ремесла», чтобы создать квазинаучную картину прошлого, которая противоречит всему тому, что мы знаем о нем из исследований других дисциплин.

Археология должна, наконец, стать самостоятельной наукой со своими методами и пределами компетенции. Представляется, что этого нельзя будет достичь без кардинальной смены повестки дня, перехода к более строгим методам анализа собственно археологических проблем невозможно будет добиться прогресса в науке. Необходимо отвергнуть традиционный упрощенный подход к эвристическим задачам археологии, позволявший ей вторгаться со своими методами в историю и этнологию, не утруждаясь каким-либо ограничением своих выводов. Попытки же археологов вывести свои специфические методы за пределы особого предмета своей науки и прямо экстраполировать их на поприще истории – несостоятельны. Особенно это следует подчеркнуть применительно к этническим процессам в древности.

Очевидно, следует признать, что только обработанная и преобразованная в ходе археологического исследования информация (т.е. переведенная с языка вещей на язык исторического источника) (Клейн, 1995)) может быть сопоставлена с данными других наук (этнология, антропология, источниковедение, лингвистика и др.) для исследования в рамках древней и средневековой истории (точнее, чтобы не путаться – *метаистории*). Определенная попытка подобного исследования была сделана на примере населения Булгарии (Измайлов, 2014, с. 138–179). Насколько она успешна – это тема для специальной дискуссии. Здесь уместно только напомнить, что есть и другие позитивные шаги в этом направлении. Можно уверенно сказать, что сложная проблема не является неразрешимой. Для ее решения совсем необязательно изобретать подпорки и костыли в виде надления горшков даром речи или наделять произвольно выбранные элементы погребального обряда неким этническим содержанием. Успешный путь решения проблем этногенеза – это комплексный мультидисциплинарный подход, когда не археология является ведущей, а все науки, включающие лингвистику, историческую антропологию, биологическую (физическую) антропологию, генетику и др.

Результатом изучения всех этих дисциплин может стать определение некоторых явлений культуры, которые действительно значимы для самого эт-

носа и которые могут быть выявлены археологически. Вот тогда археология сможет сказать свое веское слово в изучении исторической этнологии. И только тогда, когда она станет одной из элементов источниковедческого в метаисторическом мультидисциплинарном исследовании. В этом смысле выделение этномаркеров – это не а priori выбранные элементы культуры, а результат долгого и кропотливого труда. Он сложный и трудоемкий, но это какое-то движение. Альтернативой ему будет бессмысленные и беспощадные споры об угорских (они же тюркские, славянские и далее по списку языков и народов) этнических признаках. Этим беспрестанно занимались поколения археологов, но к решению проблем этногенеза нимало не продвинулись, увязнув в бесконечных дискуссиях.

Пришло время обновить научную программу и вернуться на путь науки. Направление его в строгом источниковедческом анализе материала, выявления закономерностей его распределения в пространстве и времени, а после этого, но уже в рамках метаисторического синтеза, проведение этнокультурных и лингвистических сопоставлений. Но никак не раньше и никак не в рамках археологии. Широкое и безграничное использование данных археологии для решения задач, которые выходят за рамки ее компетенции, не может не привести к стагнации и схоластике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белафин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века – Уфа: издательский дом БГПУ, 2009. – 285 с.
2. *Белафин А.М., Иванов В.А.* К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. Серия история. – 2011. – Вып. 1 (15). – С. 173–180.

3. *Белых С.К.* Этнос и археологические «этномаркеры» // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2011. – Вып. 1. – С. 144–150.
4. *Генинг В.Ф.* Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания» (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА. – 1989. – № 3. – С. 215–206.
5. *Голдина Р.Д.* Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 89–110.
6. *Голдина Р.Д., Напольских В.В.* «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 90–93.
7. *Захарук Ю.Н.* Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. – 1989. – № 3. – С. 207–214.
8. *Иванов В.А.* Дискуссия ради дискуссии или об «экономной мудрости бытия» (по поводу полемики вокруг проблемы формирования предананьинской общности Волго-Камья и Приуралья) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 107–116.
9. *Измайлов И.Л.* История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII–XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань) / Отв. ред. И.Л. Измайлов / Археология евразийских степей. – Вып. 13. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 56–72.
10. *Измайлов И.Л.* Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 66–85.
11. *Измайлов И.Л.* Археологическая культура и средневековая этническая общность: теоретические и методологические проблемы соотношения (на примере средневековой Булгарии) // Поволжская археология. – 2014. – № 3. – С. 138–179.
12. *Клейн Л.С.* О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. – 1986. – № 3. – С. 209–219.
13. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л.: Изд-во АН СССР, 1991. – 448 с.
14. *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 128 с.
15. *Клейн Л.С.* Археологические источники. Вып. 2. – СПб.: Фарн, 1995. – 349 с.
16. *Клейн Л.С.* Этногенез и археология. Том 1: Теоретические исследования. – СПб.: Евразия, 2013. – 528 с.
17. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // ТКАЭЭ. – Вып. VII. – Пермь, 2011. – С. 175–187.
18. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. / Археология евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 116–131.
19. *Крыласова Н.Б.* Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2012. – Вып. 1. – С. 168–175.
20. *Мельничук, А.Ф., Чагин, Г.Н.* Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2010. – Вып. 2(14). – С. 140–153.

21. *Пастушенко И.Ю.* Угорская эпоха Прикамья — вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». — Казань, 2009. — С. 197–198.
22. *Пастушенко И.Ю.* Возможно ли говорить об угорской эпохе в Прикамье? // Вестник Удмуртского университета. — 2011. — Вып. 1. — С. 144–150.
23. *Савин А.М., Семенов А.И.* К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. — С. 104–109.
24. *Савинов Д.Г.* Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984. — С. 46–54.
25. *Уайт Л.* Пуэбло Санта-Аны, Нью-Мексико // Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 464–950.
26. *Уайт Л.* Пуэбло Сиа, Нью-Мексико // Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004а. — С. 641–1047.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

ON ARCHAEOLOGICAL DEFINITION OF ETHNIC GROUP: CONTINUED

I.L. Izmailov

The author aimed to examine the core matter of the discussion, which has been going for a while in academic publications and numerous conferences in the Volga-Ural region. This discussion concerns the Ugrian presence in the Kama and Cis-Ural region in early Middle Ages. Particularly, its participants questioned the correctness of statistical analysis of archaeological materials conducted by V.A. Ivanov. In view of the criticisms and using corrected data of statistical analysis of the funerary rite practiced by the Kama and Cis-Ural archaeological cultures in the second half of I Millennium AD and their synchronous cultures in the forest zones of Trans-Ural and Western Siberia and Hungarian burial grounds of the Arpad period in the Danube area, V.A. Ivanov conducted a new analysis but arrived at the same conclusion, i.e. that all of these cultures are the same ethnic-cultural area, typologically connected with the archaeological culture of the ancient Hungarians. Further, V.A. Ivanov propose to abandon ethnic reconstruction, for a while, and to explain this phenomenon.

It appears that in this case we face much more important and principal issues: methodology of ethnic definitions based on archaeological data, correlation of archaeology and its specific methods with methods of other branches, as well as jurisdiction of archaeology. In this regard, it is noted that none statistical methods are able to elevate archaeological data to ethnic-linguistic reconstructions. It is necessary to distinguish two separate problems here: the statistical similarity between signs of archaeological cultures and their linguistic characteristics. It is methodologically incorrect to mix these two different approaches.

Keywords: archaeology, Volga-Ural region, early Middle Ages, Ugrians, ethnic-cultural reconstruction methods, archaeological features of ethnic group, ethnic-cultural area, typological similarity.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

2. Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. "History" Series)* (1 (15)), 173–180 (in Russian).
3. Belykh, S. K. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1). Izhevsk, 144–150 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 215–206 (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2013. In *II Mezhdunarodnyi Mad'arskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 89–110 (in Russian).
6. Goldina, R. D., Napol'skikh, V. V. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 90–93 (in Russian).
7. Zakharuk, Yu. N. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 207–214 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Kazan: Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 107–116 (in Russian).
9. Izmailov, I. L. 2011. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 13. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 56–72 (in Russian).
10. Izmailov, I. L. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 66–85 (in Russian).
11. Izmailov, I. L. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 138–179 (in Russian).
12. Klejn, L. S. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 209–219 (in Russian).
13. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaiia tipologiia (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
14. Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii (The Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
15. Klejn, L. S. 1995. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)* 2. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
16. Klejn, L. S. 2013. *Etnogenez i arkheologiia (Ethnic Genesis and Archaeology)* 1. *Teoreticheskie issledovaniia (Theoretical Studies)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
17. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2011. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VII, 175–187 (in Russian).
18. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Kazan: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 116–131 (in Russian).
19. Krylasova, N. B. 2012. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 168–175 (in Russian).
20. Mel'nichuk, A. F., Chagin, G. N. 2010. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (2 (14)), 140–153 (in Russian).
21. Pastushenko, I. Yu. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes 13. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 197–198 (in Russian).
22. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 144–150 (in Russian).

23. Savin, A. M., Semenov, A. I. 1989. In *I Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov (1st Kuban Archaeological Conference: Abstracts)*. Krasnodar: Kuban State University, 104–109 (in Russian).
24. Savinov, D. G. 1984. In *Problemy arkheologii stepei Evrazii (Issues of the Eurasian Steppes Archaeology)*. Kemerovo, 46–54 (in Russian).
25. White, L. 2004. In White, L. *Izbrannoe: Nauka o kul'ture (Selected Works: The Science of Culture)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 464–950 (in Russian).
26. White, L. 2004. In White, L. *Izbrannoe: Evoliutsiia kul'tury (Selected Works: The Evolution of Culture)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 641–1047 (in Russian).

About the Author:

Izmailov Iskander L., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru